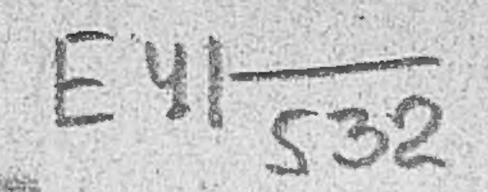

Р. С. Ф. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Военно-Морская Академия

Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

Юбилейный Сборник, посвященый первой годовщине Красной Морской Академии

1922 $\frac{4}{III}$ 1923 г.

ПЕТРОГРАД.
Типография Морского Комиссариата, в Главном Адмиралтействе.
1923.

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Военно-Морская Академия

Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

Юбилейный Сборник, посвященый первой годовщине Красной Морской Академии

1922 $\frac{4}{III}$ 1923 г.

ПЕТРОГРАД.

Типография Морского Комиссариата, в Главном Адмиралтействе.

1923.

Главлит № 1529. г. Петроград. — 500 экз.

1922 $\frac{4}{III}$ 1923.

Год Красной Морской Академии!

Миг один, еле приметный штрих в обширной стихии времени.

Но в революционное время это целая эпоха.

Революцию свергла вековые устои рабства, она разрушила «храмину» неуклюжей, необ‘ятной России, старые кумиры повергла в прах, огненной сталью рассекла сложное хитросплетение философских наслоений, морали, религиозных пут и научных «истин», созданных классом эксплоататоров.

Революция — созидающая стихия. Созидание — ее пафос.

В огне и буре родилось невиданное. Старые формы нужно было сломать сверху донизу, но строить неизбежно приходится из обломков старого.

Титаническая, необ‘ятная задача!

Но новая культурная сила победившего класса, в жестокой борьбе выковавшего свою массовую активную волю, уже в первый миг, в какие нибудь пять лет, показала, что она способна на «невидимое от создания мира».

Вот почему к строительству Красной Морской Академии не приложимы старые мерки.

Нужно помнить, что пролетариат,—душа строительства Красного Флота и Красной Армии,—должен был подойти и не мог миновать твердыни военно-морской науки, каковой является Морская Академия.

4/III 1922 г. вождь Питерского пролетариата, — Петроградский Совет, — об‘явил Красную Морскую Академию своим детищем, и с этого момента она начала свое новое бытие.

Близорукая, косная мысль «наследников великих заветов прошлого» до сих пор не в силах переварить глубины смысла этого факта. Все еще мерещится им лик старой Академии, все еще зреет в глубинах душ ревнителей «былого величия» идея преемственности и из-под спуда выплывают на свет божий старые «одежки», правда,—подчищенные и подновленные.

— Не открытие, а возобновление!...

Поймите хоть теперь, что менять вехи бесполезно. Пролетариат их выбросит как ненужный хлам.

Новые ценности, новые принципы и идеи должны лечь в организацию новой красной военно-морской силы. В соответствии с этим и Красная Военно-Морская Академия должна и будет строиться и стоять на новых принципах.

Дайте нам накопленные за гранитными стенами Академии богатства знаний, а науку мы создадим сами, свою пролетарскую.

В этом—главное, в этом—смысл и значение нашего завоевания.

Совершенно очевидно, что в годовщину 4 марта нельзя ограничиться сухим отчетом, цифрами и прочей юбилейной стряпней.

Нужно посмотреть—прочно-ли заложен фундамент, правильно-ли проложен курс.

И в этот знаменательный день мы можем с глубокой отрадой отметить, что линия наша твердая и правильная.

Мы не запрятались в «футляр» науки, наш пульс бьется в унисон с пульсом Красного Флота.

Наши надежды и стремления рождаются и зреют в сердце пролетариата Советской России, в наших руках Красное Знамя угнетенных всего мира.

Да здравствует наш славный шеф, героический Петроградский Совет!

Да здравствует Р.К.С.М., шеф Красного Флота, источник молодых сил борцов за коммунизм!

Да здравствует III Коммунистическ. Интернационал!

Первый шаг.

Революция не представляет собою какого то случайного явления в общественной жизни, она является известным закономерным следствием целого ряда причин и явлений, расположенных в последовательном порядке.

Более того, сама революция имеет свою внутреннюю логику и законы. Решив одни задачи, она переходит к другим. Ликвидировав свои долговые обязательства к наседавшим на Республику извне г.г. белогвардейцам, революция подошла вплотвую к вопросам основательного укрепления своих завоеваний и перенесла внимание с ликвидированных военных фронтов внутрь Республики на новые фронты: экономический, хозяйственный, финансовый, торговый, учебный и т. д. и т. п.

Однако Союз Советских Республик ни на один час не ослабил своего внимания к военной обороне революции. Пока нет на лицо Международного Союза Пролетарских Республик, С. С. С. Р. не имеет права ослаблять своей военной мощи, как бы республика не хотела уменьшить непроизводительные расходы на вооруженные силы.

С. С. С. Р. сократил свои вооруженные силы до минимума. Но эти силы он должен усовершенствовать; ценою повышения их качеств возместить уменьшение количества.

Одним из средств к этому усилению военной мощи С. С. С. Р. служит воссоздание Красного Флота.

IX с'езд Советов Р. Кр. и Красноарм. Депутатов постановил, что флот для Республики необходим, а флоту, который нужен Республике, нужны в свою очередь классовые командиры—руководители—говорим мы; их нет сейчас—их нужно создать, как создали мы шаг за шагом свое Рабоче-Крестьянское Государство.

Лучшие моряки принялись за выполнение этой громадной и тяжелой работы,—создать флот и его руководителей. Встал во всей своей остроте вопрос об учебе, о реорганизации всего учебного дела во флоте и постановке его на

должную высоту,—все это вместе взятое заставило пролетарскую метлу пройтись по Николаевской Морской Академии и создать из нее Военно-Морскую Академию Красного Флота.

Нужно было не только реорганизовать академию какимнибудь постепенным эволюционным методом, а жестко и определенно проделать ряд коренных изменений, которые бы и составили революцию в Николаевской Академии. Дальнейшее существование этой белой заплаты на красном фоне допущено быть не могло.

С 4 марта 1922 г., начинается новая эпоха: Советская Республика уже получила академию советскую, хотя бы по своим внешним формам, по далеко еще не по существу.

Надо было подумать и о внутреннем содержании Академии.

Выдвинутое положение—создать хороших командиров и специалистов—практиков не только политически грамотных, но и абсолютно политически надежных, определило метод развивающейся революции в Академии; в нее было влито больше сотни моряков—коммунистов и беспартийных: героев и активных участников гражданской войны и тем самым была разбавлена густота прежней несколько уже разжиженной неоднократными фильтрациями академической надстройки.

„Святое святых“ прежнего флота, храм науки, каковым являла себя Николаевская Академия, был как бы осквернен этой обветренной пороховым дымом и грубой толпой новых слушателей; но пославшее их правительство и партия видят в них тот именно состав слушателей, который даст нужный красному флоту высший командный состав.

Способность пролетариата быстро ориентироваться в самой различной обстановке и разнообразных условиях создала развал буржуазного фронта и крепость и непоколебимость красного фронта гражданской войны, пролетария на коне и пролетария в Академии, и этот-то пролетарий в Академии показал, что он, умевший в свое время безо всяких специальных теоретических познаний сражаться на фронтах, сумеет овладеть нужной ему наукой, [illegible]

Переход к новой экономполитике, организация государственных предприятий и промышленности на капиталистических началах изменили прежние способы борьбы.

Научиться также бороться рублем и знанием, как в свое время винтовкой, стало задачей пролетариата,—бороться знанием—очевидная необходимость, ибо невежества, мракобесия и обывательщины на новом фронте борьбы непочатый край.

Духовное обнищание запада, особенно ярко отразившееся в известной книге Шпенглера, дает дорогу новому могучему миросозерцанию—марксизму, отметающему всю средневековую схоластику, свившую себе гнездо в Европе, доказавшему абсурдность утверждения, что наука аполитична и на-

ходится где-то на небесах, заставившему ее спуститься на грешную землю, тому самому марксизму, который об'явил беспощадную борьбу буржуазной идеологии, идеалистической дребедени.

Необходимость довести до конца советизацию школы, а тем более школы военной и высшей, вполне очевидно, и эта работа в Академии есть действие великого революционного жернова, перетирающего и перемалывающего и „доктринерство“ и „войну, как нормальное состояние человечества“ и „абстракцию науки, сделавшейся каким то культом для узкого круга посвященных“ и „фетишизм хранителей и вершителей ее“, для того, чтобы голова будущих руководителей Красного флота была свободна от этой своеобразной и не только никчемной, но даже вредной мешанины.

Изживание самого ярко выраженного консерватизма, самой отчаянной рутины, чем страдают наши школы до настоящего времени, есть задача сегодняшнего дня. Правда, этой болезни подвержена далеко не вся школа, но эта болезнь не расстроенного воображения, а реальное зло, с которым надо бороться.

Вместе с тем нельзя не остановиться на вполне вероятной и возможной опасности, которая может ослабить наши сомкнутые ряды в борьбе с буржуазной идеологией, — тут имеется ввиду „академизм“, и тем серьезнее и ответственнее работа не только политаппарата, но и каждого члена коммунистической ячейки, что уклон, а уклон этот самый реакционный, самый опасный, вполне и вполне возможен.

Опыт пролетариата, выкованный на полях гражданской войны, подкрепленный марксизмом и классовой идеологией, не позволит при отметании в Красной Академии Р. К. К флота чуждого и ненужного хлама выбросить и то ценное, что в ней имеется.

Подчинение воли меньшинства единой твердой воле революционного большинства, путем постепенного завоевания одних позиций и разложения других, создадут в конце концов и Красную Академию для Красного Флота и руководителей для него, связанных классовой идеологией со всем пролетариатом.

А. Макаров.

Задачи Морской Академии.

Сегодня исполнился год, как Морская Академия, в обновленном составе слушателей, восстановила свою деятельность.

Основным мотивом, побудившим командование в прошлом году обновить кадр обучаемого состава Академии, было стремление провести через Академию тех лиц, которые прошли через горнило гражданской войны и революции и по существу являются командным составом Красного Флота, задачи коего столь отличны от старого флота.

В прошлом году Академия стала на иной новый путь. В чем же сущность этой реформы? В том, что имел место громадный сдвиг ее в сторону приближения к рамкам современной действительной жизни и службы флота.

Ученая работа Академии не ограничивается только работой профессуры. Работа эта преуспевает в аудиториях, где профессоры, питая слушателей знаниями, получают возможность почерпнуть от них запросы жизни, которые принесли с собой последние, придя в Академию непосредственно от службы и работы на месте.

Есть основание расчитывать, что работа Академии в этих условиях будет вполне отвечать тем большим требованиям, которые пред'являет флот к Академии, долженствующей подготовить командный состав и дать ему нужные теоретические знания для занятия руководящих должностей.

Я говорю теоретические только потому, что практика—вне Академии. Она может быть дана лишь службой на флоте.

Приближение Академии к Флоту, к его жизни — вот в чем, повторяю, сущность реформы, имевшей место год тому назад.

Оглядываясь на истекший год, приходится притти к определенному заключению, что несмотря на все трудности (главным образом на почве неустойчивости целого ряда организационных форм), Академия справилась со своей задачей, и занятия пройдены по плану, который был положен в основание в прошлом году. Были большие сомнения, удастся ли нам этот план провести, справятся ли слушатели с усвоением

тех больших программ, которые были намечены, сумеют-ли профессора эти программы преподать и успешно их пройти столь быстрым темпом, как это требовалось, считаясь с малой подготовленностью слушателей.

Однако, задача эта была выполнена, благодаря большой восприимчивости у слушателей, столь характерной для переживаемого времени вообще. Большая восприимчивость и чрезвычайная энергия к работе — вот те факторы, которые позволили одолеть программу истекшего года, и которые дают основание ожидать столь же успешных результатов в предстоящем году.

Каков же путь дальнейшей работы в Академии? Какой курс должен быть ею взят для направления нашего труда в следующий год? На этот путь мы уже стали, надо его только углубить дальше, провести его через всю работу Академии: через планы и занятия в ней.

Путь этот — ближе к морю, ближе к флоту: работа в кругу тех вопросов, которые фактически необходимы, нужны для флота, подготовка специалистов, способных к ответственному руководительству на тех путях, кои установлены, как пути дальнейшего развития флота.

Академия не должна и не может быть изолированной от флота, она должна отражать в себе все то, что есть на нем положительного и созидательного, и, будучи очагом научной мысли, быть впереди, прокладывая путь для реальных мероприятий. Только в этих условиях работа Академии для флота будет продуктивна и целесообразна.

Чтобы это было так, необходимо тесное единение Академии с флотом, не только формальное, в отношении руководства, но и, это главным образом, идейное, в смысле органического тяготения к нему.

По своей конструкции, Академия не может влиться во флот, являясь прежде всего учебным заведением, режим жизни которого требует известных рамок, неимеющим возможности устроить свою жизнь так, чтобы она проходила полностью в униссон с жизнью на флоте (в тесном смысле этого слова), так как силою вещей она несколько изолирована в своей работе.

И вот, стремясь найти те пути, которые нас могут привести к конкретному разрешению вопроса о тесной связи с флотом, мы подходим к необходимости, кроме обновления состава, наметить ряд мероприятий, которые застраховали бы нас от вредного сепаратизма в работе. Это будет достигнуто, когда мы сообщим слушателям, работающим в Академии, то направление, в котором работает и будет работать флот.

Если для флота пути его дальнейшего развития и совершенствования являются программными, то те же пути являются заданиями для учебного плана и всей работы Академии.

Нам надо итти по тому же пути, и лишь тогда будет иметь место то единение, о котором я говорил.

Значит конкретная наша задача — определить путь совершенствования флота, на этот путь стать и итти по нему уверенно, в полном сознании, что мы не разойдемся с флотом.

Пути флота, повторяю, — задание для учебного плана Академии.

Председатель Революционного Совета Республики тов. *Троцкий* в одной из своих последних статей („Еще о задачах военного строительства“, „Правда“ № 39) говорит: „.... Если, вообще говоря, война есть продолжение политики, то для нас война является продолжением революции, — только не во всеоружии такой организации и такой техники, каких у революции не бывало никогда“.....

Организация и техника — вот два условия, которым должны удовлетворять вооруженные силы Республики: флот и армия. Достижения в этой области должны составить преимущества нашего флота и нашей армии перед флотами и армиями империалистических держав.

Эти же вопросы являются наиболее больными для нашего флота, который именно в области техники и организации требует особенной работы сейчас и потребует ее втечение всего того периода времени, пока он не будет воссоздан в размерах, отвечающих нашим стратегическим задачам на морях.

Следовательно, эта область—организации и техники—является той, в которой мысль должна особенно усиленно работать, и работники руководящего состава должны быть вооружены всеми знаниями, чтобы дать флоту высокую организацию и современную технику, а не случайную импровизацию и примитивные средства.

Если Академия является учебным заведением, готовящим работников творческого типа для занятия, после известного практического стажа, непременно необходимого по окончании ее курса,—ответственных должностей во флоте, то Академия должна сообщать им во всей совокупности знания, включающие теорию техники и организации в том направлении, которое отвечает действительным потребностям флота.

Как это направление учесть? А учтено оно должно быть точно, без ошибки, ибо ошибка в общем направлении мыслей десятков выпущенных слушателей со взглядами, не отвечающими истинному положению вещей, с отправными точками, не соответствующими общей работе во флоте,—принесет вред гораздо больший, чем можно думать, судя поверхностно. Люди, попадающие на ответственную работу,

имеющие неверное направление мыслей, тем более опасны, если эти мысли санкционированы авторитетом Академии и науки.

Если мы ошибемся в направлении, то эта ошибка углубится, распространится и польза, которую может дать Академия, будет не только преуменьшена, но обратится в прямой вред флоту, коль скоро Академия станет рассадником рутинных взглядов.

Академия не автономна в направлении своей работы, она получает директивы непосредственно от высшего морского командования, от самых высших его инстанций, оттуда, где сосредоточено общее управление комиссариатом и флотом. Однако, Академия располагает большой самостоятельностью в смысле свободы в своей научной работе, являющейся, несомненно, важнейшим двигателем и душой ее учебной работы. Здесь не только директива устанавливает курс. Этот курс устанавливается направлением мысли ученых работников Академии в лице ее профессуры и руководителей.

Если вопросы организации и техники сейчас являются одними из основных, ударными, так сказать, то работа Академии в этой области должна быть особенно упорной, и слушатели, в ней обучаемые, должны получить правильное направление здесь, отвечающее тому, в котором будет идти работа во флоте. А если там это направление окончательно не установлено, то именно у нас в Академии ее научными силами должна быть выполнена большая работа, чтобы учесть все и самим найти тот путь, который является наиболее обоснованным с точки зрения науки, проверенным с точки зрения истории и рациональным, в предвидении последующего прогресса военно-морского дела.

Организация об'емлет все вопросы по устройству флота, подготовке и обучению его, вопросы, гораздо более широкого значения, нежели вопросы администрации (по какому то недоразумению ставшие центральными и несправедливо претендующие па доминирующее значение). Организация— устройство флота настоящего, подготовительная работа для флота будущего. Задачи организации включают в себя все принципиальные положения строительства и устройства флота.

Конечно, здесь надо прежде всего установить точку зрения, долженствующую отвечать направлению, о котором я говорил.

Не нахожу возможным в настоящей краткой заметке очертить сущность организационных вопросов, да и не это моя цель в данный момент. Я говорю об общем курсе, и этот курс, определяющий метод работы, должен быть нами категорически определен.

Здесь двух мнений не может быть. Задача наша в том, чтобы провести идею, само по себе очевидную, но ввести ее систематически в направление и метод работы, в учебный план, в программы всех без исключения предметов Академии: идея эта—организация плавающего флота, боевой эскадры, созданной для боя и решения проблеммы войны. Здесь—центр всей организацонной работы; тут—сосредоточие всего нашего дела. Эскадра, боевая ее работа, обеспечение надлежащего ее развития и устройства и все вопросы, связанные с ее организацией,—вот круг вопросов, в которых должна проходить наша работа.

Я сказал, что это очевидная идея, ее доказывать не приходится, она говорит сама за себя. Между тем, жизнь нас учит тому, что, несмотря на очевидность этой идеи, русло жизни зачастую проходит далеко от нее. Интересы берега становятся самодавлеющими, вопросы подчиненные и второстепенные становятся доминирующими, детали получают первенство над сущностью.

И вот, говоря о том, что эта идея должна найти себе выражение в нашей учебной и ученой работе, и прежде всего в учебном плане, я так рисую себе это: наш учебный план и все наши занятия не должны отвлекаться на изучение проблем, может быть и важных для науки вообще, но не служащих нашей главной цели, непосредственно флоту; общий уклон всей работы Академии должен быть дан в сторону решения и изучения тех конкретных задач, которые стоят перед флотом.

Учебный план предусматривает два метода: теоретические лекции и практические занятия. Тут и там должна найти отражение точка зрения, о которой мы говорим. Особенно же она должна быть проведена в практических занятиях, где в наличии два обстоятельства: во-первых,—практические занятия являются методом прикладным, где выводы теории определенно прикладываются к решению тех или других конкретных вопросов, а во-вторых,—практические занятия есть прямой способ для привлечения слушателей к самостоятельной работе—тренировке и упражнению в области самостоятельных работ. Теория не вырабатывает этого, она является обоснованием, тогда как упражнение, а оно непременно необходимо, выливается именно в ряде практических занятий.

В лице последних мы имеем обширное поле для применения теории к разрешению тех очередных и необходимейших для флота вопросов, над которыми нашим слушателям придется работать и к которым должны быть они подготовлены.

Следовательно, к практическим занятиям мы должны пред'явить особенно строгое требование в смысле соответствия их с курсом на сближение с жизнью.

Общая тенденция наших практических занятий не может носить отвлеченного характера, а должна служить практической цели.

Практические занятия в курсе и проектные работы при окончании курсов являются, как я сказал, главными. Они воспитывают в слушателе способность к самостоятельному творческому труду. Надо их согласовать в один план, так, чтобы этот план отвечал направлению всей работы Академии, а последняя—флоту.

Отсюда перед нами задача—согласовать практические занятия по всему учебному плану, сообщив им известную стройность и направление. Академия, в лице всех ее факультетов, об'емлет собой всю совокупность вопросов, составляющих теорию военно-морского дела, как военного, так и технического. Следовательно, мы располагаем здесь большими возможностями, составляющими исключительно счастливую особенность нашей академии: у нас представлены все роды нашего оружия, все отрасли техники;—всему здесь можно подвести итог, поставить вопросы не в одностороннем их освещении, а во всей полноте их об'ективной сущности.

Такие вопросы—как строительство флота и его организация могут быть поставлены у нас в академии: и военно-морской и технический отделы в совокупности могут разрешить эти вопросы без всякой односторонности и поверхности.

Отсюда, естественно, пожелание, могущее быть пред'явлено нам, как определенное обязательство,—пожелание, чтобы наши практические занятия были согласованы так, чтобы в целом составляли один план для всех отделов. А план этот имел бы направлением своим разрешение ряда организационных и технических вопросов, не случайно собранных постольку, поскольку они иллюстрируют курсы, а поскольку это необходимо для того, чтобы всем слушателям сообщить известное направление и в результате всего плана дать какой то общий конечный и цельный результат, полезный для флота.

Точнее говоря, необходимо, чтобы задания для практических занятий не были произвольны, а вытекали бы из общих предпосылок.

В пределах, кои нам доступны, мы можем подвести стратегическое обоснование, в виде выработки плана кампаний (учебного порядка)—конечно мы можем отсюда составить общие задания для организации планов операций и сделать выводы о средствах необходимых для них, но не произвольно выбранных, а вытекающих из определенных оперативных предпосылок, из коих мы можем вывести задания для всех видов деятельности флота, частей и учреждений его.

В этой общей работе—у нас не только в.-морской отдел должен участвовать, но и все отделы, получившие извест-

ные оперативные задания, и далее отсюда мы будем детализировать задания для практических работ во всех отделах, и в прикладных науках—во всех предметах.

Мы можем таким образом, действительно, создать общее направление и общий план практических занятий, где каждая проэктная работа не будет, повторяю, самостоятельной и оторванной, но получит спайку с проектами и планами всех отраслей в.-морской науки и будет иметь за собой конкретное значение и оперативное обоснование.

Таким образом, мы получаем возможность направить мысль слушателей по одному руслу. Русло это приведет к флоту с его боевой деятельностью и военными задачами,—к флоту, который существует только для войны, и все его средства только для боя или обеспечения его в той или другой степени.

Пересмотр плана практических занятий и сообщение всей нашей работе определенного направления—вот задача перед нами.

Если мы не будем отрываться от этих задач, базирующихся на исследование боевой работы, то мы тем самым станем на путь, о котором я говорил в начале этой заметки.

Теперь перед нами второй год нашей работы в обновленном составе. Очередной задачей этого года является дальнейшее приближение к флоту, борьба с оторванностью Академии и сообщение ее работе прикладного характера, столь ей необходимого.

В виде планового мероприятия в этом направлении нами намечается пересмотр общего плана практических занятий, согласование его в одно стройное целое и сообщение ему реального направления, отвечающего тому, в котором идет работа на флоте.

Это чрезвычайно важно.

В отношении же общего направления Академии, я выскажу лишь одно пожелание: надо, чтобы мы не забывали о флоте, не делались бы специфически береговым по духу учреждением, ибо мы все здесь временно: слушатели и большая часть обучающего состава. Наша стихия—море, и надо, чтобы чистый морской воздух доносился до наших аудиторий, и напоминал бы нам, что весь смысл нашей работы обосновывается только флотом и морем; вне флота, вне моря—нам делать нечего;—Морская Академия, как таковая, не имеет своего raison d'etre.

Начальник Академии *М. Петров.*

Морская Историческая Комиссия по исследованию опыта войны 1914-1920 гг. на море.

Важность своевременного учета боевого опыта, диктуемая необходимостью поддерживать боевую силу на высоте последних требований военной науки и техники, обязывает каждое государство с возможной полнотой использовать уроки и указания войн во всех областях использования вооруженных сил применительно к обстановке, в коей государство может оказаться при необходимости отстаивать свое существование и интересы.

Поэтому, совершенно естественно интенсивное стремление государств, только что переживших войну, самым спешным образом зафиксировать полученный дорогой опыт с целью, пропустив его через призму научной мысли, установить новые этапы во всех областях науки ведения войны, боя и организации вооруженных сил.

Исходя из мысли, что безопасность государственного существования прежде всего требует, чтобы его боевые средства и методы их использования стояли в полном соответствии с возможностями, предоставляемыми техникой и организацией, представители военной науки считают, что только систематический учет полученного опыта войны, без промедления, гарантирует полноту военной доктрины и уверенность, что зоркое око науки держит в своем горизонте все, что может обезпечить силе готовность проявить себя в решительный момент полной мощью.

Последнее особенно важно для морской силы, личный состав коей, ввиду исключительной сложности организма флота, должен быть обезпечен не только твердым знанием быстро меняющихся и совершенствующихся методов борьбы на море, но и иметь время и научныя основания для создания необходимых к тому средств.

Последнее возможно только при условии систематической научной работы над всем тем разносторонним материалом, который оставляет нам боевая деятельность флота во время

войны, откуда морская научная мысль выявит все, что должно способствовать непрерывной эволюции всех отраслей морской науки в соответствии с задачами строительства флота в наиболее совершенных формах.

В 1918 г. Морской Генеральный Штаб и Морская Академия, учитывая всю необходимость скорейшего приступа к учету боевого опыта мировой войны на море, вошли с представлением к Высшему Командованию о необходимости создания специальной научной организации—Комиссии по исследованию и использованию опыта войны на море,—в задание коей ставилось всестороннее научное исследование боевой деятельности морских сил на морских и речных театрах и выявление боевого опыта во всех многочисленных отраслях военно-морского дела.

В своем докладе, указывая на неотложность этой меры, Морской Генеральный Штаб подчеркивал, что „мировая империалистическая, а за нею и гражданская война на морях и реках дали необычайный по об'ему и значению боевой опыт, требующий научного учета и претворения в новые формы использования морской силы и ее средств в будущем. Лихорадочная судостроительная, техническая и научная деятельность всех морских держав—лучшее тому доказательство. Пренебрегать этим—значило бы подвергнуть судьбы государства и восстанавливаемого им флота всем последствиям боевой отсталости, уже неоднократно испытанной нашим флотом в предшествующие исторические периоды“.

Соглашаясь с доводами Генмора, Высшее Морское Командование в конце 1918 г. приказом по Флоту и Морведу за № 797 учредило требуемую комиссию, при чем для обезпечения ее работ наиболее квалифицированным контингентом сотрудников и установления наиболее тесной связи с военно-морской научной мыслью она была образована при Морской Академии, Начальник коей являлся вместе с тем и председателем комиссии.

Согласно плана, разработанного по указаниям первого председателя профессора Н. Л. Кладо, в задачи Комиссии входило:

1. Собирание, учет и систематизация всех научных и исторических материалов, долженствовавших образовать собою „Архив мировой и гражданской войны 1914-1918 гг. на море“, являющийся основной базой научных работ Комиссии,

2. Составление описания боевых операций флота в мировую и гражданскую войну,

3. Исследование боевого опыта по всем отраслям и вопросам военно-морских наук: стратегии, тактики, организации и техники ввиде отдельных монографий,

4. Обслуживание материалами и трудами научных кафедр Академии и учебных организаций флота, а также органов Морского Комиссариата по ходу их научной и служебной деятельности.

С окончанием гражданской войны задания эти были расширены включением в них также и изучения истории революционного движения на флоте и борьбы на морских, речных и озерных театрах за период 1918-1920 гг.

Приступив тотчас после своего сформирования к созданию в первую очередь „архива войны", а затем и к работе по исследованию опыта ея, Комиссия в течении своего существования при наличии особенно тяжелых условий работы смогла выполнить большую часть поставленных заданий, направив в первую очередь все свои усилия к спасению и отысканию тех архивных материалов, кои условиями разрухи и безпорядочной эввакуации флота из портов в обстановке войны и революции, оказывались разбросанными по всей стране и находились в состоянии близком к гибели и утрате.

Посылая целые экспедиции для отыскания по имеемым следам заброшенных архивов, Комиссия собрала исключительный по богатству Архив мировой и гражданской войн, насчитывающий до 30.000 дел и 2.000 пособий, путем кропотливой работы превратив их в стройное целое, разработанное по последнему слову архивной науки.

Предвидев все научное и справочное значение собранного архива, Комиссия при полном напряжении сил превратила хаотический (от условий спешной эвакуации) полученный материал в стройное научно разработанное и систематизированное собрание документов, снабженное карточными каталогами и описями, позволяющими исчерпывающее и быстрое получение научных справок и данных.

Затем, ведя интенсивную творческую работу, Комиссия за это время исследовала и описала ряд периодов боевых действий флота 1914 18 г.г. и составила ряд монографий по отдельным областям военно-морского дела.

По настоящее время Комиссией уже исследованы и описаны действия флота и события войны 1914—18 г.г. за года 1914, 15 и 16, а также разработаны начальные периоды гражданской войны, которые и вылились в ряд трудов до 110 наименований с общим об'емом в 265 печатных листов. Из этого числа 32 печатных листа опубликованы в Сборниках Комиссии и до 25 печатных листов помещены в периодических морских изданиях. Оставшиеся, за отсутствием необходимых к тому материальных средств, труды находятся в подготовленном к печати виде и в любой момент могут быть изданы.

Значительная полнота Архива и его систематизированность уже неоднократно давали Комиссии возможность, по-

мимо научных трудов, оказывать Республике существенную помощь в делах государственного значения, связанных с требованием политического и организационного моментов.

На первое место в этом отношении нужно поставить широкое обслуживание специальными исследованиями, справками и материалами, по требованиям Народного Комиссариата Иностранных дел, наших делегаций и морских экспертов во время мирных переговоров и заключения договоров с Эстонией, Финляндией, Латвией и др. в вопросах, связанных с установлением морских границ и защитой морских интересов Республики. Как на особенно важную и громадную работу, нужно указать на произведенное Комиссией выяснение убытков России на море от империалистической войны и интервенции государств Антанты для Российской делегации на Генуэской конференции, а также на работы по освещению вопроса о проливах для целей конференции в Лозанне.

К этому необходимо добавить постоянную работу Комиссии по освещению вопросов, вызванных претензиями иностранцев в отношении реквизированных, купленных и зафрахтованных судов периода мировой войны, выражавшуюся десятками справок ежемесячно,

Следующей категорией деятельности Комиссии является широкое обслуживание справками и материалами всех органов Штаба Морских Сил Республики и, главным образом, его Оперативного Управления в вопросах морского строительства и освещения оперативных вопросов настоящего момента на основании опыта и данных войны.

Необходимость планомерного создания средств обороны морских границ, задача воссоздания активного флота, образование школы для него, важность правильной структуры организации,—все это приводит творчество Центра к необходимости базироваться на проверенных опытом материалах. Поэтому, роль Комиссии в деле освещения разрабатываемых вопросов являлась ролью аппарата, гарантирующего своими монографиями и справками точное использование данных прежней творческой мысли, требовавшей претворения в современные формы и виды морского строительства и оперативного замысла.

Далее, наличие Комиссии при Морской Академии—Центре морской научной мысли—в непосредственной близости к другим учебным организациям Моркома естественно делает ее научным резервуаром, откуда работники морской науки, профессорский, преподавательский и научный персонал широко черпали и черпают тот необходимый материал по изучению обеих войн, без коего их курсы обойтись не могут.

Разобщенность Республики от прочего мира, невозможность своевременного ознакомления с достижениями зару-

бежной морской науки и техники, ставили в первую очередь необходимость самостоятельной творческой работы над принадлежащим нам опытом. В этом отношении Комиссия с первых же дней, сознавая все громадное значение своего архивного богатства, смотрит на себя, как на научную базу, снабжающую и обслуживающую творческую мысль флота и его организаций необходимыми материалами, будь то Уставная Комиссия, Военно-Научное Общество, аудитория или пропаганда морской идеи.

Подводя к итогу все эти особенности функций Морискома, необходимо сказать, что за время пятилетнего существования Республики, этот ее орган вошел в плоть и кровь организации Морского Комиссариата и как учреждение научное, и как аппарат служебно-организационного характера. Флот и Морком сами за эти 5 лет дали ему значение такового, превратив его из Исторической Комиссии с ограниченными описательными задачами в резервуар, питающий весь организм строющегося и создающегося Красного Флота Рабоче-Крестьянской Республики.

Н. Н.

Наука и идеология.

Только во время революции возможно появление среди педагогов в массовом масштабе таких, которые, ссылаясь на свой авторитет в „науке“,—причины кавычек я выясню ниже,—а по существу потому, что нутро их не приемлет нашей революции, отстаивают с упорством, достойным лучшей участи, принципиальную допустимость обособления не только обучения от воспитания, но даже политического воспитания и обучения от специального.

Политика в школе—закон, мол, божий. Вызуди, что прикажут, и баста.

Скажите, какая лойяльность!

Но из под ученой шкуры здесь выглядывают не уши, это—не глупость; наоборот, нам у них надо было бы поучиться,—так умно, хитро и упрямо они гнут свою линию, так сплоченно они выступают и так умело пользуются нами для своего некультурного реакционного дела; не уши, говорю я, а оскаленная пасть волка, если бы мы себя могли считать овцами.

Достаточно представить себе, что они ратуют—у нас—в целях восстановления нашего флота, что не из преданности к своему милому лакейскому фраку и не рабские душонки говорят эти дикие для педагога благоглупости, и не бороться с ними, а только выправлять их линию, удерживать от излишних крайностей,—крайностей, от которых они пока еще не смогли отделаться благодаря тому, что не по их де воле выросли и воспитались они при других условиях.

И для многих из нас этот „закон божий“ в таком свете и выступает.

Предоставляя Г.П.У. охранять Р.С.Ф.С.Р. от явных врагов, почти ничем ему в этом не помогая, считая остальных обладающими удостоверением в преданности рабочему делу, и слушая их похвалы нашей тактичности, гуманности и человечности, многие из нас уподобляются вороне из крыловской басни.

Активным, деятельным можно быть не только штыком и шашкою на поле кровавой брани, но и у нас в наших школах, в академии, извращая невероятно важное для нас дело обучения и воспитания *смены*.

Стараться выявить этих имажинистов (imaginez vous, что они работают для *нашего* флота, представьте, что их работа не таит в себе подвоха), отслоить их от действительно искренно работающих с нами, еще не выполненная нами задача.

Еще и по сие время, в феврале 1923 года, на шестом году существования Красного флота, в Красных Рабоче-Крестьянских высших морских учебных заведениях и даже в морской академии, что то не слышно про левую профессуру.

Как то смутно, темно.

А в темноте, говорит пословица, все кошки серы.

Пусть выходят на свет. А пока, не обезсудьте, осторожнее считать вас, сидящих в тени, серо-белыми.

Есть еще одно обстоятельство, которое позволяет этим имажинистам, этим притворялам придавать своему воздержанию от участия в работе в нашем направлении приличную внешность.

Ведь мы сами сознательно замыкаем специалистов в сферу чистой специальности, сами внимательно следим, чтобы они „не лезли в политику". Духу нового пролетарского строя соответствует, следовательно, яко бы, такое, как разограничение политобучения и воспитания от специального. Не вина, а беда их, что они спецы, а не политики.

Этот вопрос требует раз'яснения.

Саботажники—чиновники, 17/18 года, офицеры и значительная часть интеллигенции корчили из себя агнцев, обреченных на заклание, когда они в форме, с кокардами и прочими отметинами своей высокой квалификации, торговали на улицах папиросами, жареными семячками и кусками сахара. Заграничные отбросы России, плоть от плоти их Российских более тяжелых на под'ем собратий, устраивая скачки блох или шаляпинские концерты без Шаляпина, мнят и по сие время, что не они лишние, а Россия лишена их. „Бедная Россия, скоро ли ты удостоишься воспринять нас (это блошиных то антрепренеров!) в лоно свое?" „Как можно нам, культурным ученым людям, участвовать в том, что творится? Нам наука, дисциплина, методы воспитания превыше всего—они выношены веком небывалого расцвета мощи человеческого гения, не наша вина, что „Кухаркины дети" пачками вылетают из школ. Виноваты не мы, а Советская Власть, что заполняет школы безнадежным балластом". И если о блошиных спецах, пока они заграницей, у нас нет двух мнений, то с их учеными коллегами дело обстоит не так благополучно. История с приказом об от-

дания чести в морских учебных заведениях, превращение пролетариев на семь (!) лет в стыдливых институток или еще лучше в гаремных красавиц, над которыми развратники от науки свободны совершать свои „гнусные действа“, и многое другое говорит о том, что втирание очков идет полным ходом.

Факты эти „вопиют к небу“, как сказали бы в „доброе“ старое время. Только уяснив себе особые условия нашей Революции, товарищи не будут прикладывать советской печати к такому „строительству“ Рабоче-Крестьянского флота.

Нельзя ни на минуту допускать, чтобы—

„Сыр выпал... и была плутовка такова“.

Остановлюсь вкратце на этой особенности нашей Революции.

Если во французскую революцию 1789 года буржуазия, совершая переворот, вела борьбу за господство против другого тоже господствующего класса, вырываясь одновременно, как из под ига короля, дворян и попов, так и из недр того сословия, в пределах которого она начала борьбу и внутри которого она еще до революции взобралась на шею крестьянства и нарождающегося пролетариата; если еще в недрах старого общества не только наростала ее материальная мощь, но и отстаивалось ее духовное оружие при посредстве интеллигенции, перешедшей еще до революции на ее сторону; если на широком фундаменте неимущей массы один угнетатель сменялся другим, которого на его мошне с золотом несли и законоведы со сводами законов под мышками, и чиновники всех рангов с гроссбухами и перьями за ухом, и военные, вооруженные новой техникой, и инженеры, и ученые в своих париках и тогах и прочие иные спецы,—то не то сейчас.

Этому имеются свои причины. Их надо знать.

Происходит общественный переворот, происходит такая социальная революция, которой мир не видал и которая по мощности своей может быть приравнена только к величайшим геологическим переворотам. Низы выперли у нас и выпирают во всех странах, сокрушая имущественные отношения и все, что на них опирается. Плавятся все старые ризы, сжигаются иконы и мощи. Не служителям старого очищать металл действительно научного знания от святых головешек.

Не кликами ликования, не „осанной“, а проклятиями и саботажем встречен Октябрь. Не сотрудничество, а „моя хата с краю“ и „спасай головешки“ лозунг и по сие время некоторой части интеллигенции.

Если с корабля Феодализма крысы ушли к буржуазии по сходням, еще до его гибели, то с буржуазного корабля

они перебираются к нам с его обломков с большой неохотой пускаясь вплавь, когда убеждаются, что иного выхода нет, перебираются в одиночку в большинстве случаев, тщательно слизывая красную краску, которая пристает к их благородной, ученой серой шкурке от общения с нами.

Воистину пролетарская Революция!

Революция, творимая пролетариатом „Своею собственной рукой“.

И вот, когда еще не весь корабль погрузился в воду, когда над его спасением еще работают старые силы, можно ли думать, что не черная сошка просвещения, она с нами, а разряженные в ливреи с позументами, парики и прочие регалии „ученые“ станут вместе с нами способствовать скорейшей гибели того корабля, над спасением которого в поте лица трудятся их господа и благодетели?

Нельзя!

И мы и они вынуждены обособлять науку от политики. Но они потому, что им претит наша политика, а мы—потому, что мало политиков, знающих науку, и что при правильной политике, политика постепенно пропитает науку.

Но, при правильной, значит как раз, что не при всякой: значит, что при неправильной „наука“ не уничтожает политику, а извращает ее так, что *смены* то нам и не будет. Уход пролетарских элементов из наших школ, разговоры среди партийных товарищей о том, что невозможность соединения политики и науки ставит перед ними вопрос о выходе из партии—не вяжется как то с тем, что говорится о возрождении флота, что говорится о наших школах УВМУЗ'ом.

Что то уж очень похоже на то, что—

„на шипке все спокойно“.

Юбилейный орган высшего военно-морского учено-учебного заведения в такую ответственную годину, когда комсомол не только взял на себя шефство над флотом, но и повел усиленную агитацию за добровольное вступление в наш *Красный* флот, не может не быть на вахте, не может изображать из себя страуса, прячущего голову под крыло.

Он должен сказать:

Товарищи, думайте, когда делаете, иначе и с партийным билетом в кармане вы можете оказаться в положении льющих воду на мельницу врагов нашей пролетарской Революции.

Надо поставить точки над и.

Надо научить тех, которые еще не знают, что то, что для буржуазии полезно, то для пролетариата вред.

Трижды прав товарищ Ленин, когда говорит: раз буржуазия хвалит, значит допущена ошибка.

На всероссийском совещании работников учебного дела во флоте, говоря о лучших спецах, я предупреждал, что и

они могут, не желая нам зла, итти старыми, привычными для них путями и что наши товарищи часто следуют в этом за ними. С'езд подтвердил эту мысль своим постановлением. Наметил пути..... но жизнь идет мимо. Этому должен быть положен конец.

Деликатная форма не помогла, говорю прямо.

Мне бы очень хотелось, чтобы читатели моей статьи не уподобились персонажу из Чехова — „он меня шпингалетом ругает" — или даме, обидевшейся на слово „жупел", а вдумавшись в мои слова, согласились бы со мною:

1) Что мы и по сие время часто пичкаем наших товарищей неудобоваримым и старым хламом, что многие спецы отстаивают этот хлам по указанным выше причинам, и что нам надо этот хлам отбросить.

2) Что наука, понимаемая, как правильное отображение действительности, облекается господствующими классами классового общества в самые фантастические наряды, что наши спецы часто проделывают еще и теперь тоже, по указанным выше причинам, и что нам надо с этим бороться так же упорно, как мы боремся со всякой чертовщиной.

3) Что отмеченное в п.п. 1 и 2 засорение и извращение науки, превращение ее в науку в кавычках, заставляет нас противопоставить специальному обучению, пока мы не создали себе *смены*, политобучение, но что это политобучение, если дух последнего не пропитывает всего уклада школы, остается настолько малой величиной, что говорить о красной школе не приходится.

4) Что воспитание и обучение принципиально неотделимы друг от друга, но что в данных условиях места и времени у нас имеется только один путь к достижению этого единства:

В области обучения закрепиться в общественных дисциплинах и постепенно, но не упуская ни одной возможности, пропитывать нашим духом остальные предметы, имея в виду, что монистическо-материалистическое миропонимание предполагает материалистическую трактовку и естествознания в широком смысле слова.

В области воспитания, в частности военной дисциплины и внутреннего распорядка, держать дело в своих руках, подпуская к нему спецов лишь постольку, поскольку есть полная уверенность в том, что они всецело стали на нашу сторону, и поручая это дело только таким коммунистам, которые достаточно испытаны в уменьи разбираться в конкретной обстановке и в том, что они не поддадутся спецам.

Если в области обучения мы пока еще вынуждены закладывать лишь первые камни, то в области военного воспитания наш военный опыт уже сейчас дает нам возможность осуществлять его в полной мере собственными нашими силами. Надо только отказаться от кустарничества, от не-

понятного желания вариться в своем собственном соку и широко открыть двери тем товарищам, которых может дать нам партия и красная армия.

Долой кастовый дух. Довольно уподобляться крыловским музыкантам.

Флот важен не сам по себе, а как одно из оружий в руках борющегося пролетариата.

Пусть он растет, пусть крепнет и пусть стряхнет с себя, подобно сестре своей красной армии, все то, что мешает ему быть действительно Красным Флотом *).

Эссен.

*) Мне могут указать, что статья написана черезчур резко. Считаю, что она затрагивает столь существенные вопросы и учебное деле у нас во флоте, столь противоречит тому, каким оно должно было бы быть, что благодушный тон резал бы ухо всякого преданного рабочему делу товарища. Э.

Первый год партработы в Военно-Морской Академии Р.К.К.Ф.

Николаевская Морская Академия основательно окопалась от революции. Так основательно, что все пять лет до марта 1922 года, она вместе со своим царским названием сохраняла и белый слушательский состав.

В марте 1922 года, — Р.В.С.Р., Морком и Особая Комиссия Ц.К.Р.К.П. ликвидируют Николаевскую, Академию.

Организуется военно-морская академия рабоче-крестьянского красного флота. В целях допущения в академию пролетарского состава понижаются приемные требования; создается подготовительный курс.

Организуется коллектив коммунистов Академии. Сразу ставшие перед коллективом организационные задачи потребовали от всех коммунаров-слушателей Академии напряжения всех сил и энергии. В видах обеспечения коммунистического влияния на еще революционно неоформившийся учебный и технический аппарат Академии, в целях непосредственной помощи комиссару в проведении систематической работы по перестройке аппарата старой академии, при бюро коллектива организуются секции: учебная, политическая. по организации военно-морского научного общества и хозяйственная. Каждая секция возглавляется членом бюро, имеет свой рабочий аппарат и всю свою работу проводит через бюро, комиссара Академии и партийные органы. Коллектив принимает участие в пересмотре старых положений об Академии, при непосредственном участии коллектива проводится фильтрация прежнего слушательского состава; перед моротделом пур'а ставится вопрос о проведении циркуляра Ц. К. Р. К. П. о включении в число прочих кафедр Академии—кафедры социально-политических наук, которая вскоре и создается.

Сразу же партийная работа разворачивается по всему фронту, охватывая все детали жизни Академии, вливаясь во все ее уголки. Для поднятия марксистского уровня членов

партии, об'единения вокруг коллектива беспартийных слушателей Академии и приобретения серьезного, глубокого познания в области теории научного социализма, организуются марксистские кружки. Общим собранием Академии избирается политпросветительная комиссия, куда входят три представителя от коллектива, вместе с комиссаром, организующие и направляющие политпросветработу Академии. Коллектив делегирует своих представителей в бюро коллективов всех Петроградских военных академий. Завязывается связь с руководящими партийными органами: Пубалтом, Василеостровским Райкомом и Петроградским Комитетом Р. К. П.

На шестом месяце существования Красной Морской Академии, коллективу пришлось направить всю свою энергию, весь свой авторитет, на сохранение коммунистического ядра академии—ее подготовительных групп, ликвидация которых намечалась общими планами реорганизации всех военных Академий. Вопрос о сохранении подготовительных групп, на которых обучалось 95 процентов всего коммунистического состава слушателей Академии, стал пред коллективом, как вопрос прежде всего политический, вопрос о завоевании партией высших командующих высот на флоте. С согласия и при деятельной поддержке Петербургского Комитета, этот вопрос был поставлен в центральном комитете партии, в результате чего подготовительные группы при Академии были сохранены, было допущено лишь их небольшое частичное сокращение.

В ноябре 1922 года усилиями коллектива, отдельных профессоров и слушателей Академии было открыто военно-морское научное общество, как военно-морская секция единого В. Н. О. Республики. В настоящее время В. М. Н. О., имеющее в числе своих членов выдающихся представителей науки и техники, стремится организовать все усилия научной мысли в деле создания военно-морской мощи нашего государства.

Для связи с флотом и рабочими организациями, коллектив выдвинул 15 товарищей, ответственных партийцев, которые прикреплены Пубалтом и райкомом к коллективам военно-морских частей и фабрично-заводских предприятий. В целях постоянной информации военно-морской прессы о жизни научного мозга флота—Морской Академии и для ведения военно-морской пропаганды в рабочей прессе, при коллективе организована коллегия ответственных корреспондентов, проводящая свою работу в обширном маштабе. Усилиями коллектива создана стенная газета „Рупор Академии", первый номер которой уже вышел. Кроме того, коллектив принимает самое деятельное участие во всех партийных и агитационных кампаниях, проводимых райкомом

партии и политуправлением Балтфлота. В частности, члены коллектива недавно были делегированы на места в губернские и портовые города для проведения „Недели Красного Флота“. В самое последнее время, в видах приближения партстроительства в Академии к нормальному типу построения партийной организации, секции при коллективе упразднены. В последующем работа секций будет проводиться бюро коллектива в целом.

4-е марта—годовщина Академии является одновременно и первой годовщиной ее коллектива. Коллектив с удовлетворением может оглядеть пройденный путь. За этот год сделано многое; это, конечно, еще не значит, что можно на сделанном успокоиться. Высшая школа, в настоящее время, продолжает оставаться одним из важнейших участков нашего партийного и классового фронта. Наша партия совершенно вплотную подошла к постановке перед собой задач по организационному и идейному овладению высшей школой. Морская Академия, в проведении по отношению к ней этих задач, стоит как бы на отлете. В то время, как другие высшие военно-учебные заведения вместе со всей Красной армией отпраздновали пятилетие своего существования, мы в Морской Академии подводим итоги лишь первого года. В связи с этим вся трудная каждодневная работа у нас еще впереди. Пройден лишь первый ударный этап. Необходимо закрепить и упрочить сделанное; на основе практики первого года коллектив наметил новые организационные формы последующей работы. Усилия всех членов коллектива должны слиться в одно целое, необходимо усилить связь с нашими ближайшими руководящими парторганизациями, чтобы на этой мощной базе взять твердую линию на овладение всем академическим аппаратом. Это даст возможность сделать нашу Морскую Академию Советской не только по названию, но и по существу.

Сейчас лишь протрален фарватер и поставлены вехи—океан борьбы еще впереди.

А. Александров.

К знанию!

Год тому назад царская академия, после революции слегка подернувшаяся красным колером, но продолжавшая оберегать себя от коммунистического влияния, а самое главное от „коммунистического разложения“, кончила свое существование. Берегли „старое детище“ упорно всеми правдами и неправдами пять лет и, наконец, с большим запозданием пролетарская твердая рука решила сорвать священные покровы „храма“ науки, с тем, чтобы не только посмотреть, что там делается и навести надлежащие порядки, но с тем, чтобы самой овладеть дарами науки. Ровно на пять лет флот отстал в своей жизни от красной армии. И если последняя создала свою академию в тот же год своей организации, флот этого сделать не смог. Целый ряд исторических факторов были тому причиной.

Несмотря на то, что пролетарское государство получило много ценного в наследство от старого, в том числе и по части морской, главным образом знания и опыт, но как и все, так и морское дело, было гнило. Флот с начала об'явления японской войны находился в перманентной организации. Рыба гниет с головы. Мозг флота оказался чуждым пролетарской революции. И только немногие не только „приняли“ ее, но и отдали свои силы и знание великому делу и своей доблестью доказывали это в минувшей гражданской войне.

Флот, сплошная техника и знание, в экономически истощенной стране потерял свою основу. Кроме того, во время гражданской войны морские задачи у республики отошли на задний план. И флот, распылив свои силы по всем отраслям строительства государства, не только отстал в политическом и организационном отношениях, но дошел до того, что явился благоприятной почвой для реакции. Завершением последнего были кронштадтские события, которые имели помимо этого за собой глубокие социальные причины. Окончание гражданской войны, морские задачи в ми-

ровом масштабе, ставшие перед Советской Россией после того, как были отбиты жестокие аттаки международной и русской буржуазии, потребовали уточнения и внесения ясности в морские дела.

Пролетарское государство решило твердо взять в свои руки это дело и если не разрешить сразу, то стать на верную дорогу его разрешения. С этим периодом совпадает реформа Академии. Республике нужны верные авторитетные силы, которые могли бы взять в свои руки ответственное дело организации и воссоздания нового красного флота, и которым она может поручить это дело во всей его широте. Пролетариям нужно овладеть и морским делом, как и всем прочим. Это может выполнить только новая Академия. Таким образом, новая Красная Академия призвана выполнить широкие задачи. Она должна изучить старое во всей полноте, чтобы могла сказать новое. Она должна переоценить все старое, отбросить негодное, овладеть необходимым, чтобы выступить во всеоружии. Она должна восполнить пробел накоплявшийся годами, она должна создать то единство мысли, которого сейчас нет и которого тщетно ищут, ибо те силы, которые остались от прошлого, если и сохранили интерес к делу, то пять лет прошло в простом созерцании без всякой практической работы. Только немногие, как это ни странно, решили проникнуть в глубь совершающихся событий, изучить их и принять в них активное участие. Большинство же только вздыхало, в лучшем случае отмахивалось руками и не противоречило ходу исторических событий. Интересно отметить, что в течение пяти лет гражданской войны только немногие варились в ее котле, а масса, оставшаяся в пределах Советской России, искала „службы", именно службы, где термин „фронт" считался чрезвычайно неопределенным местом. И к тем, кто ушел на него, эта масса в лучшем случае питала свое снисходительное пренебрежение. Мы не говорим о тех, кто в силу своих лет, научных работ, здоровья, не могли итти на бесчисленные флотилии. У этих новая Академия должна получить все знания, чтобы вместе продолжать великое дело и быть им достойными преемниками в области их знаний.

Но мы не можем обойти молчанием того, что на тех же бесчисленных речных флотилиях, действия которых во многих случаях оказывали решающее влияние на исход сражений, мы людей знания не имели. Они были, как жемчужные зерна,—редкость. И эти флотилии создавались мозолистыми руками. Революция и в этом деле, как и в других, вынуждена была не только кустарничать, но ставить во главе дела людей, с флотом ранее ничего не имевшими. Это ставится не в укор кому-нибудь. История имеет свою логику, но это только подтверждает вышесказанное.

Новая Академия призвана заполнить пробелы. Перед ней трудный тернистый путь.

Здесь быть может не обойдется без того, что сознательно или бессознательно будут тем или иным образом мешать, навязывая ненужный хлам или открыто становясь в оппозицию. Это не страшно. Мощный поток революции сметет все на своем пути, как сметал до сих пор. Нужно, чтобы академия сохранила свою связь с рабочим классом и крестьянской беднотой, из которых вышла и, опираясь на их мощную руку, взбиралась на высоты, не теряя этой связи ни на одну минуту, а укрепляя ее с каждым днем, имея перед собой одну задачу овладеть знанием.

Твердо сознавая все это, тому высшему красному командному составу, который готовится в стенах новой Академии, необходимо жить одним темпом с окружающим, дышать одним воздухом, постепенно овладевая, знакомясь и сродняяс с флотом, чтобы имя „академик" не был тем шутливым названием, каковое имело место в старой академии и каковое быть может есть и теперь. Всем красным академикам придется работать на флоте, каждый должен знать их, а они знать тех, с кем придется работать.

Только этими путями будут выполнены задачи, поставленные перед Академией, и от которой республика ждет дел.

Прошедший год показал, что здоровые корни питают новое дерево.

И мы уверены, что цели будут достигнуты.

П. И. Смирнов.

Об учебной работе.

Военно-Морской Академии Р. К. К. Ф. 4/III—1922 г.—4/III—1923 г.

Первый учебный год Военно-Морской Академии Р. К. К. Ф. прошел под знаком небывалого в истории „Николаевской" академии оживления, интенсивности и об'ема работы, число классов, в которых в марте 1922 г. начались занятия, почти в 4 раза превышало наибольшее число классов старой академии (23—6). Число отделов достигало 6. Сверх того функционировал класс подводного плавания. Кривая движения состава слушателей подымалась до 213, т. е. в три слишком раза более штатного состава слушателей предшествовавшего времени (68).

Задачи момента потребовали необычного для „академии" расширения курсов и программ: „собственно академические" курсы, „инженерные" ступени технических отделов и „подготовительные курсы" в этот год об'единились в общей работе в стенах академии. От научно-исследовательской работы в высших областях в. м. знания до общеобразовательных наук и начальных элементов специальных курсов простерлись программы предметов.

Чувствовалось, однако, что центр тяжести переместился в сторону подготовительных курсов, куда рабоче-крестьянская власть созвала представителей борющегося класса, коим она дала огромной важности задание: стать достойными и способными руководить флотом и его учреждениями для осуществления новых целей и планов союза советских государств.

Взятые в академию без достаточной подготовки, они должны выйти из нее с уровнем знаний дореформенного времени: снижение приемных требований, но не снижение курсов и программ, вот отличительная черта нашей академии.

Думается, у нас есть право сказать, что слушатели подготовительных курсов сознали всю серьезность возложенных на них обязанностей и надежд: в течение всего года они не ослабевали в энергии, с которой приступили к занятиям.

Уже в мае началась поверка их успехов путем репетиций, дававших вполне удовлетворительные результаты.

Начавшиеся в июле, по окончании первого семестра, экзамены дали результаты, лучшие репетиционных.

Вот несколько цифр: слушатели подготовительных курсов всех отделов дали на экзаменах 533 ответа. Из них неудовлетворительных—7, удовлетворительных—155 и с отметкой „хорошо" — 371. В процентах это выражается так: неудовлетворительно—1,4 проц., удовлетворительно—29 проц. и хорошо—69,6 проц. Были целые классы и отдельные слушатели, отмеченные в приказе по академии, как особо успевающие.

Вместе с тем совет подготовительных курсов счел необходимым отчислить от академии 4-х слушателей по неспособности их следовать за курсом.

Слушатели инженерных ступеней и академических курсов также вполне успешно окончили первый семестр.

Успешность занятий в смысле перехода на следующий семестр колеблется по классам между 90 и 100 проц.

Не смотря на то, что Балтийский флот не мог обеспечить всех желательных для академии условий, все же удалось организовать летние практические занятия для значительного числа слушателей. Старшие подготовительные группы отдела оружия произвели самостоятельную артиллерийскую стрельбу на эсминцах. Были на минной стрельбе и присутствовали на состоявшихся в конце сентября маневрах Балтфлота.

Ст. подготовительная группа военно-морского отдела упражнялась в кораблевождении, побывала на подлодках, слушатели инженерных ступеней машиностроительного отдела изучали на линкоре „Марат", эсминцах и других судах паровые турбины, электромеханизмы и дизеля, а слушатели электротехнического отдела — электромеханизмы и радиотелеграф, а также посещали электрические станции Петрограда.

Слушатели инженерных ступеней кораблестроительного отдела знакомились на судостроительных заводах Петрограда и Кронштадта—с их устройством и ремонтом судов, Слушатели академических курсов частью продолжали слушать лекции все лето (кораблестроительный и машиностроительный отделы), частью выполняли самостоятельные работы по военно-морскому статистическому и географическому описанию восточного побережья Финского залива и реки Невы (военно-морской), или производили геодезические работы и выходили на рейд для практики по определению девиации (гидрографич. отдел). Подводники провели полную летнюю кампанию на подлодках. Не удалось дать морской практики только слушателям средней и младшей подгото-

вительной группы по недостатку судов. Лишь те из них, кто предназначал себя для военно-морского отдела, были на флоте в дни его маневров.

С октября начался 2-й семестр, продолжавшийся до 16 февраля и прошедший с неменьшим напряжением и успехом. Цифровые результаты его еще не вполне подсчитаны, но они безусловно дадут вполне удовлетворительную картину.

Огромную учебную работу проделала Академия в минувшем году. От 6 до 8 ч. в день были заняты ее слушатели в классах и кабинетах. А по вечерам — иностранные языки, самостоятельная подготовка и занятия с репетиторами... Картина была бы не полна, если бы мы не упомянули о частых диспутах и докладах в конференц-зале на важнейшие и интереснейшие темы („какой России нужен флот", „возможна ли классовая наука", „новости судостроительной техники по иностранным данным", „проблемы морской войны" и т. п.). До глубого вечера сидели здесь любители знания, иногда горячо дебатируя.

Усилиям слушателей вполне отвечали готовность и старание преподавателей дать всю сумму необходимых знаний и навыков будущим руководителям флота. Помимо лекций и практических занятий, частые репетиции и экзамены, заседания учебных советов и предметных комиссий, разработка программ и учебных курсов в связи с современными научными данными—занимали их время.

В силу счастливого стечения обстоятельств библиотека академии дала возможность иметь данные о последних достижениях технических наук на Западе, благодаря массе (около 1000 томов за 1921 — 22 г.г.), иностранных книг и журналов, высланных Академии находящимся заграницей заслуженным проф. А. Н. Крыловым. Некоторые из этих изданий являются уникaми в Петрограде.

О высоте научной работы Академии говорят ученые труды ее профессоров. Так в ряду многих научных курсов, изданных академией, или от ее имени Редиздатом Моркома, труд проф. Брикса „Паральная теория гребного винта", вызвавший о себе отзыв критики, как о „мировом реккорде" русской науки (см. „Известия Морской Академии", вып. VI). Благодаря этой работе конструкция гребного винта поставлена на строго научную физико-математическую почву и находится накануне радикальной перестройки. Большим спросом других учебных и научных учреждений пользуются труды, изданные в минувшем году, других профессоров Академии: Гончарова, Фрейман, Шиманского, Фролова.

Нельзя не отметить той живой связи между Академией, как научной лабораторией принципов военно-морского искусства, и флота, как воплощающей эти принципы силы, какая имела место в течение минувшего года. Представи-

тели разных специальностей (оперативной, артиллерийской, минной, электротехнической, подводной) были приглашены на суда Балтфлота высшим военно-морским командованием для участия в воссозидающей флот работе. На маневры из Академии были взяты главный посредник и начальник походного штаба помглавпомора, старшие посредники сторон и посредники разного состава тактических соединений. В академии же происходили заседания по разбору маневров.

Вообще минувший год дает ручательство в том, что задания высшей власти республики будут выполнены Академией и ее слушателями, только бы не ослабела энергия ее личного состава, только бы даны были все необходимые для того условия жизни и работы...

А тут не всегда все было благополучно... Не говоря об общих условиях современной жизни, не хватало учебников, учебных пособий, чертежных принадлежностей, реактивов в кабинетах, волновала Академию и некоторая неустойчивость взглядов на ее состав и задачи... Но не будем омрачать грустными тонами светлого праздника первой годовщины Новой Академии...

Д. У.

Состав классов академии к 4 марта 1922 года.

Отделы.	Военно-морской.	Гидрографический.	Машинный.	Кораблестроительн.	Оружия. Арт.	Оружия. Мин.	Электр.	Число классов.
Состав отделов.	Второй	академи	ческий	курс.	2 ак.	курс.	—	6
	—	—	инж. ст	упени	—	—	—	2
	—	—	средн.	ст.	—	—	—	—
	—	—	младш.	ст.	—	—	—	2
	Старши	й подго	товит.	курс.	ст. по	дгот.	курс.	6
	Сред	ний	подго	тови	тель	ный	курс.	[1]) 3
	Млад	ший	подго	тови	тель	ный	курс.	[2]) 3
	—	—	—	—	подво	дн. кл.	—	1
								23

Примечание. [1]) Один класс для военно-морского отдела и 2 для технических.
[2]) Общие классы для всех отделов.

Состав классов академии к 4 марта 1923 года.

Отделы.	Военно-морской.	Гидрографический.	Машинный.	Кораблестроительн.	Оружия. Арт.	Оружия. Мин.	Электрический.	Число классов.
Состав отделов.	Второй	академи	ческий	курс.	—	—	2 ак. к	5
	1-й акад.	курс.	—	—	1 ак.	курс.	—	4
	—	—	инж. ст	упени.	—	—	—	—
	—	—	старш.	старш.	—	—	—	2
	—	—	средн.	средн.	—	—	—	2
	—	—	младш.	—	—	—	—	1
	Ст. подг.	—	—	—	ст. по	дгот.	—	3
	Младши	й подгот	овитель	ный к	урс дл	я всех	отдел.	2
	—	—	—	—	подв.	класс.	—	1
								20

Движение числа слушателей к важнейшим моментам минувшего года:

К 4 марта 1922 года.

(Начало занятий).

Академич. курс	24
Инженерн. ступ.	32
Подготов. курс	95
Подводн. класс	14
Всего	165

К 15 мая 1922 года.

(Окончание приема).

Академический курс	25
Инженерные ступени	31
Подготовит курсы	142
Подводный класс	15
Всего	213

К 4 марта 1923 года.

Академический курс	60
Инженерные ступени	38
Подготовительный курс	60
Подводный класс	8
Всего	166

Состав слушателей академии к 4 марта 1923 года:

I. По происхождению:

Рабочих	16 чел.
Крестьян	53 »
Дворян	33 »
Разночинцев	64 »

II. По образованию:

Высшего образования	16
Среднего	118
Низшего	32

III. По партийности:

Беспартийных	90 чел.
Кандидатов в члены Р.К.П.	4 »
Коммунистов	72 »

IV. По участ. в гражд. войне.

Не участвовало	47 чел.
Участвовало меньше года	46 »
» 1 год	33 »
» 2 года	28 »
» 3 года	8 »
» 4 года	3 »

Военно-Морское Научное Общество.

Военно-Морское Научное Общество по изучению классовой войны эпохи пролетарской диктатуры возникло в Морской Академии 22 ноября 1922 года.

Всего три месяца его возраст, тем не менее уже сейчас можно сказать, что ему суждено большое будущее.

Интересна история возникновения Общества. Мысль о нем созрела в коллективе Морской Академии еще в январе 1921 года, но осуществление этой мысли стало практически возможным лишь в 1922 году, когда в Морскую Академию влились живые силы Красного флота, когда в Академию пришли учиться товарищи, прошедшие очищающий и закаляющий огонь гражданской войны. Понадобился тем не менее почти год упорной работы, чтобы соорганизовать Военно-Морское Научное Общество и наладить его работу.

И если первая задача, задача организации Общества в общем и целом разрешена, то вторая задача еще требует большой работы.

Отчетный период В. М. Н. О. был периодом, главным образом, искания путей в предстоящей работе и если эти пути далеко не все найдены, если и найденные пути не обвехованы как следует, то это не беда. Начало положено, и это главное.

В той громадной важности переоценке военных знаний, которые призвано совершить В. М. Н. О., важно именно начало, приступ к работе. А в дальнейшем уже сама работа укажет, куда надо направить усилия. Мы не будем останавливаться на основных задачах Общества, они изложены в положении общества и нашей статье в февральской книжке Морского Сборника, на которую и обращаем внимание всех интересующихся.

Работа В. М. Н. О. развивалась до сего времени в двух направлениях.

Во-первых, обыкновенно, каждую среду происходили общие заседания всего В. М. Н. О., на которых члены Общества делали доклады, представляющие интерес для всего Общества.

Эти доклады были:

1. Значение войны в социальной жизни человечества.

Докладчик *Б. Б. Жерве.*

2. Новости техники в применении их к военно-морскому делу.

Докладчик *И. Н. Воскресенский.*

3. Из операций Днепровской флотилии.

Докладчик *П. И. Смирнов.*

4. Проблемы морской войны.

Докладчик *Б. Б. Жерве.*

5. Деятельность австрийского флота в Мировую войну.

Докладчик *Е. Е. Шведе.*

6. Географическая деятельность на земном шаре за 1917—21 г.г.

Докладчик *Ю. М. Шокальский.*

Из самого перечня докладов видно, что они между собой не имеют неразрывной внутренней связи. И действительно, Правление Общества, ставя эти доклады, имевшие обще-флотский интерес, не преследовало цели обязательно провести через все эти доклады какую-либо руководящую развивающуюся от доклада к докладу мысль. Правление Общества считало самым необходимым на первых порах путем постановки таких докладов выяснить, во-первых, свои собственные силы и наиболее острые интересы, а во-вторых, привлечь внимание широких масс флотского командного состава к работе В. М. Н. О., пробудить его интерес к научному изучению новых вопросов военно-морской науки и техники. Таким образом, единая мысль все же в этих докладах была—постановка проблем военно-морского дела и привлечение внимания к В. М. Н. О.

Некоторые из докладов тем не менее дали ряд ценнейших результатов, важных для дальнейших работ В. М. Н. О.

Член В. М. Н. О. Б. Б. Жерве поставил в первом своем докладе проблему о коллективной воле, сплачивающей человеческие массы в вооруженной схватке с врагом до забвения основного инстинкта человека—чувства самосохране-

ния. Исследование обстоятельств, оказывающих укрепляющее или ослабляющее влияние на эту коллективную волю, имеет самое практическое значение.

Во втором своем докладе Б. Б. Жерве вновь обратил внимание на громадное значение подводного и воздушного флота, которое они могут иметь при некоторой определенной обстановке.

И. Н. Воскресенский в своем в высшей степени интересном докладе привел массу интересных данных о достижениях военно-морской техники, из которых, по его почину, общество обратило внимание на два:

1. На Staenlys—металл, который при совершенно исключительном временном сопротивлении, обладает всеми остальными достоинствами хорошей стали.

2) На сварку как котловых швов, так и швов стальных листов вообще, удешевляющих постройку корпуса кораблей на 40%.

Доклады Смирнова П. И. и Е. Е. Шведе дали ряд отдельных мыслей, чрезвычайно ценных для дальнейшей работы Общества.

Но параллельно с работой общей аудитории Общества по средам, Общество развертывало работу по другому направлению.

На первом же заседании Правления В. М. Н. О. было поручено Техническому отделу Общества составить комиссию, которая, под‘итожив изученный опыт истекшей мировой войны, современные достижения военно-морской техники и учитывая рессурсы страны, в ряде докладов дала бы Обществу материал для суждения о наиболее подходящем типе корабля СССР.

Комиссия эта, работающая под председательством В. А. Винтер, явилась зародышем технического отдела Общества, который в середине февраля окончательно сорганизовался и сейчас приступает к работе.

Однако, значительно ранее технического отдела энергичную работу повел Военно-Морской отдел Общества.

Работа этого отдела привлекает самое большое внимание строевого командного состава флота.

Первым же докладом, возбудившим большие, содержательные и это особенно следует отметить, горячие прения был доклад в. м. Вартенбург „Прохождение службы во флоте“.

Необходимо указать также на доклад нач. Оперативного Упр. Морштаресиа т. Тошакова „Организация командования“, также возбудивший большой интерес.

Опыт этих двух докладов, происходивших в узкой аудитории только одного В. М. Н. Общества, с несомненностью доказывает необходимость самого энергичного направления

работ Общества, именно по этому второму пути, по пути всестороннего исследования всех вопросов сначала в более узком кругу отделов Общества.

Только здесь в дружеской и энергичной, не связанной условностями и недостатком времени большого, громоздкого собрания, критике вопроса удастся Обществу правильно подойти к решению наиболее важных своих задач. Мы не хотим сказать, что общая аудитория Общества не нужна: мы хотим только указать, что всякий вопрос, вошедший почему либо в поле зрения Общества, должен быть детально разработан в его Отделах. На долю общей аудитории Общества всегда останется, во первых, постановка таких вопросов, а затем их окончательное решение, на основании тех материалов, которые дает работа его отделов.

В гармоническом сочетании этих двух направлений работы—в общей аудитории и в узких аудиториях отделов Общества—лежит залог успеха его работ. Секция Воздушного Флота Общества, существующая при военно-морском его отделе, начала свою работу именно таким образом с доклада Г. Н. Пелля „Стрельба по воздушным целям".

Общая аудитория общества обратила внимание отдела на изучение следующего положения, выдвинутого Б. Б. Жерве и которое в кратких словах может быть выражено следующим образом—„Воздушный флот может отразить дессант противника, поддерживаемый самым мощным морским флотом". Секция воздушного флота приступила немедленно к детальному изучению этого вопроса вышеназванным докладом.

Секция воздушного флота внушает самые большие надежды. Деятельность ее привлекает уже внимание наших центральных учреждений. Увмуз проявил большой интерес и принял непосредственное участие в обсуждении вопроса о постановке учебного дела в Морском Воздушном Флоте, разработка которого служила предметом одного из последних заседаний секции, и выставила даже своего докладчика—С. И. Фролова.

Начал свою работу и Океанологический Отдел Общества докладом Евгенова: „Экономическое значение географического изучения северо-восточной оконечности Сибири".

В последнее время внимание этого отдела привлекает вопрос о подготовке высоко квалифицированных штурманов для флота, вопрос имеющий громадное для него значение. В юбилейном Сборнике посвящена этому специальная статья.

Таким образом, работа В. М. Н. О. идет вглубь. Она не дала еще больших научных результатов. Это и понятно, слишком не долго общество существует и слишком слабы еще его силы.

Тем не менее перед Обществом стоит с повелительной необходимостью уже вопрос о создании собственного журнала. Этот вопрос назрел и требует решения. Редиздат Моркома идет широко навстречу начинанию Общества, главным препятствием к осуществлению которого служит конечно денежный вопрос.

Кроме того, Обществу необходим некоторый технический аппарат, хотя бы из одного-двух лиц, так как в ближайшее же время работы Общества широко развернутся, да и сейчас его отсутствие сильно чувствуется. Необходимо отметить, что все эти 3 месяца Общество прожило без единой копейки, но так далее конечно продолжаться не может. Необходимо добиться получения хотя бы 1—2 пайков от наших центральных учреждений и хотя бы самых маленьких, но все же определенных денежных средств.

Подведем итоги. Каковы же ближайшие задачи Общества?

Первой и главной задачей Общества является выработка плана его научных работ, плана, который бы направлял всю работу Общества и привел бы ее к определенным конкретным результатам.

К разрешению этой основной задачи Общество уже приступило. Надо отметить, что Общество не мыслит этого плана работ оторванным от текущей жизни флота. Интересы Флота СССР правильно понимаемые лягут в основу плана работ Общества.

Второй задачей Общества будет налаживание самой работы. Предыдущий опыт Общества указывает здесь прежде всего на необходимость тщательного изучения отдельных вопросов в секциях Общества. Только после тщательного изучения вопросов в узкой аудитории, выработки определенных законченных мнений там, вопросы должны выноситься на обсуждение всего Общества для принятия решения. Мы не хотим сказать, что Общество всегда только таким образом будет работать, совсем нет. Возможен и другой путь. Общество предварительно освещает вопрос в общем собрании, ставит определенные вехи для его изучения и передает вопрос для детального обсуждения в отделы Общества. Мы хотим только сказать, что оба эти пути должны быть использованы в полной мере и в особенности указать на то, что тщательное изучение всех вопросов должно лечь в основу всех решений Общества.

Довольно кустарничества, разбросанности!

Точный и правильный план работ!

Точное и детальное его выполнение!

А. Сивков.

Организация В.-М. Н. О-ва.

Военно-Морское Научное Общество возникло 22 ноября 1922 года.

Во главе Военно-Морского Научного Общества стоит Правление в составе следующих товарищей:

Председатель В. М. Н. О. — Помглавкомор *Э. Панцержанский.*

Зам. Председателя: *А. Сивков.*
Тов. Председателя: Наморси Балтморя *М. Викторов.*
„ „ Нач. Морск. Академии *М. Петров.*
„ „ Комиссар Морской Акад. *А. Макаров.*

Ученый секретарь: Профессор *Шталь.*
Секретариат из 4 т.т.: *Смирнов, П. И.,*
Годлевский,
Синицын,
Чикунский.

Председатель В.-Морского Отдела Общества—Профессор *Б. Б. Жерве.*

Председатель Технического Отдела: Пом. Нач. Академ. *В. А. Винтер.*

Председатель Океанолог. Отдела: Проф. *Ю. М. Шокальский.*

Заведывающий Переводным Отделом: *П. Орас.*
„ аудиторией: *Александров.*

Библиотечно-Издательская Коллегия: Наморедиздат *Лукашевич,*

Редактор журнала „Красного Флота“ — *Ив. Егоров,*
А. Курдюков.

Во главе отделов общества стоят президиумы отделов:

Президиум Военно-Морского Отдела:

Председатель: Проф. *Б. Б. Жерве.*
Тов. Председателя: *П. И. Смирнов.*
Секретарь: *С. Заволоцкий.*

Президиум Технического Отдела:

Председатель: Пом. Нач. Академии *В. А. Винтер.*
Тов. Председателя: *П. Орас.*
Секретарь: *Н. Н. Берлявский.*

Президиум Океанологического Отдела:

Председатель: Профессор *Ю. Шокальский.*
Тов. Председателя: *Домогаров.*
Секретарь: *Козлов.*

Число членов В.М.Н.О. — 250.

В ОБЩЕЙ АУДИТОРИИ ОБЩЕСТВА СОСТОЯЛИСЬ ДОКЛАДЫ:

1. Значение войны в социальной жизни человечества.
   Докладчик, *Б. Б. Жерве.*

2. Новости техники в применении их к военно-морскому делу.
   Докладчик *И. Н. Воскресенский.*

3. Из операций Днепровской флотилии.
   Докладчик *П. И. Смирнов.*

4. Проблемы морской войны.
   Докладчик *Б. Б. Жерве.*

5. Деятельность Австрийского Флота в Мировую войну.
   Докладчик *Е. Е. Шведе.*

6. Географическая деятельность на земном шаре в 1917—1922 годах.
   Докладчик *Ю. М. Шокальский.*

В Аудитории Военно-Морского Отдела:

1. Прохождение службы во флоте.
   Докладчик *Вартенбург.*

2. Организация командования.
   Докладчик *Тошаков.*

3. Организация государств во время войны.

Докладчик *Н. В. Зернин.*

4. Организация командования.

Докладчик *Кедров.*

В секции Морского Воздушного Флота В.-Морского Отдела.

1. Стрельба по воздушным целям.

Докладчик *Г. Н. Целль.*

2. Учебное дело в Морском Воздушном Флоте.

Докладчик Управдел Увмуза *Фролов.*

В Океанологическом Отделе В.М.Н. Общества.

1. Экономическое значение изучения Северо-Восточной оконечности Сибири.

Докладчик *Евгенов.*

Все заседания В. М. Н. О. происходят в стенах Военно-Морской Академии.

Об'явления о заседаниях В.М.Н.О. публикуются в газете „Красный Балтийский Флот".

До сего времени общая аудитория Общества работала по средам в 19 часов. К сожалению, две недели тому назад Пубалт взял у Общества этот день, поставив в клубе Моркома обязательные для командного состава флота лекции по политическим предметам. Желателен перенос этих лекций на другой день.

Секция Воздушного Флота имеет свои заседания по понедельникам в 19 часов.

Военно-Морской Отдел Общества работает по пятницам в 17 часов.

Океанологический и Технический Отделы Общества еще не установили постоянного дня для своих занятий.

Программа *Военно-Морского Научного Общества* опубликована в февральской книжке „Морского Сборника".

А. С.

Организационные задачи технического отдела.

До настоящего времени задачи для Морской Академии РККФ точно не поставлены, не согласованы и не сформированы. Безусловно решительным подтверждением этого является отсутствие утвержденного „Положения“.

Общие слова о подготовке „военных работников высокой квалификации“ не вносят ясности в вопрос. Многие из руководящего педагогического состава внутри самой Академии думают об этом по разному. Еще различнее мнения ответственных флотских работников со стороны. Год назад мы, приходя в Академию, задачу свою в ней представляли в высшей степени туманно. Мы хотели учиться, но чему и как, на этот вопрос и учебная часть и аттестационная комиссия могли излагать только свои догадки, причем каждый по своему. Сроки, об'ем учебных программ, их содержание вполне категорически установлены не были при начале работы. Да это и понятно: с одной стороны неустойчивое положение всех В.М.У.З., с другой совершенно новый неизвестный для Академии состав учащихся. Директивы командования требовали согласованности программ с Училищем Комсостава Флота, из которого выходил первый выпуск. Естественно, что в предположениях и в проекте „Положения“, вырабатывавшемся тогда, намечалась задача завершения специального образования военморов с подготовкой Военно-Морского Училища. Отсюда детали: 4-х летний срок обучения, приемные экзамены по программам В.-М. Училища и пр.

Прошедший год дал громадную ломку всей системе В.М.У.З, которая весьма существенно, хотя и неявно задела Красную морскую Академию (особенно ее технические отделы).

С превращением Академии в специальную школу 4-й ступени (учебный отряд, морское училище, класс специалистов) задачи ее от задач марта 1922 г. в корне должны были отличаться, и если этого не почувствовали сразу же слушатели, то только потому, что в учебном вопросе (планы и программы) Академия была гораздо ближе к заданиям 10-го, 15-го года, чем марта 1922 г. Но уже с настоящей осени на технических отделах обнаружилось все растущее

недоумение. Значительная часть слушателей почувствовала, что смутно предполагающиеся для них перспективы самостоятельной „научной" (очевидно исследовательски-педагогической) работы с их желаниями не совпадают.

Программа математических предметов перевешивала все остальное и для лиц, не имеющих уже крупного инженерного стажа, (а по мнению многих, даже и вообще) была непонятно громоздка. При всех рассуждениях по этому вопросу камнем преткновения является отсутствие ясно формулированных требований для технических отделов.

На ближайшее время все же задача упрощается. Если исходить из предпосылки, что „Военно-морская Академия приняла в свои стены лучших боевых товарищей всех флотов Республики" *), то очевидно нынешний состав слушателей должен быть возвращен флоту с наилучшей возможной для них подготовкой для предстоящей практической деятельности. Однако, мы сможем получить здесь действительный результат только быть может по военно-морскому отделу, да и то не для всех. На 5-ти же технических отделах нормальный курс, взятый целиком и без изменений от старого времени, *в стенах Академии* из нашего подготовительного курса не окончит никто.

Да разве не насмешка предлагать человеку, имеющему в 30 лет образование городского училища, пройти подряд среднюю школу, полное инженерное образование и, кроме того, 3-х летний курс старой Академии, в которую прежде далеко не всякий инженер мог поступить и еще менее того окончить.

Выход единственный, если не считать возможным закрыть доступ на технические отделы слушателям с подготовительного курса.

Взять решительно линию на подготовку *техника—администратора*. В связи с этим работу на техническом отделе резко изменить. Поставить задачей полное ознакомление со специальностью, примерно в духе теперешней высшей технической школы, отбросить вопросы проектирования и самостоятельного научного исследования **), в связи с чем свести до минимума об'ем высшей математики (никак не больше, чем в инженерной школе, а возможно и меньше), обратить самое серьезное внимание на вопросы в/м организации работы портов, технических отделов штабов, Мортехозупра, заводской администрации и проч.

Мы должны получить лиц, технически вполне грамотных для работы на должностях: портовых артиллеристов, мине-

---

*) Приказ Помглавкомора Кр. Б. Ф. № 46 1922 г.

**) Отнюдь не оставляя этих задач при занятиях со специальным составом.

ров и механиков (при условии соответственного стажа), специальных работников штабов, начальников отделов Мортехозупра, командиров портов и проч., а для этого Эйлеровы интегралы и Гаммафункции не нужны. Недаром 99% наших инженеров их благополучно не знают и даже институтский об'ем математики заменяют логарифмической линейкой.

Мне возразят, что это не Академия. Если считать Академией только то, что было до 20-го года, пусть так. (хотя в Красной Армии это иначе); мы спорить о словах не станем, но это во всяком случае много правильней, чем растерять лучших товарищей бесполезно в погоне за журавлем в небе, а может быть просто за *„Синей птицей“*. В противном случае подготовительные курсы технических отделов нужно открыто признать лишними.

Ввиду того, что в Академии имеется старый состав слушателей, готовящийся к работе конструктора, ответственного приемщика и научного работника—преподавателя, конечно эту работу прерывать ни коим образом не следует, однако здесь тоже нужно кое-что изменить.

В пределах настоящей заметки я могу указать на голые пожелания:

Уменьшение многопредметности и решительные шаги в сторону специализации; „необ'ятного не об'ять“—пора это вспомнить. Сведение к минимуму школьных занятий с записыванием рассуждений и упражнениями памяти на их повторение на экзамене. О знании вопроса судить надлежит по подходу к его применению в самостоятельной работе. Как можно меньше догмы. Личный эксперимент и его обработка, постановка задачи и оценка ее важности—главнейшее.

В связи с этим конечно недопустимо почти полное отсутствие времени на самостоятельную работу. Судить об успешности возможно только по правильному подходу к разрешению задачи (проекты, расчеты), сперва предлагаемых руководителем, а затем избираемых самим слушателем с одобрения профессора.

Намеренно, не касаясь вопроса о реорганизации В. М. У. З., я привел необходимые условия для того, чтобы Красная Морская Академия сделала все, что возможно, чтобы дать нужных флоту работников.

Таковы в самых общих чертах основные моменты в назревшей реформе технического отдела Морской Академии.

Недостаток места не дает возможности подробно рассмотреть этот вопрос. Мы надеемся выполнить это в ближайшее время на страницах морской прессы.

А. Чикунский.

Гидрографический Отдел Морской Академии.

Несмотря на целый год существования Красной Военно-Морской Академии, Гидрографический отдел ее до сего времени не сделал никаких попыток отнестись критически к установившейся еще до революционное время его академической линии

Более того, делавшиеся попытки об'являлись с кафедры ересью и соответственно энергично просекались. Но поскольку Гидрографический отдел признан необходимым в составе Красной Морской Академии было бы преступно обойти молчанием этот вопрос.

Как составная часть Красной Морской Академии Гидрографический Отдел должен отвечать целям строительства Красного флота.

Гидрографический отдел по идее имеет задачей выпускать работников Гидрографии и высококвалифицированных штурманов, как для руководства штурманским делом на флоте, так и для научной и практической разработки основ штурманского дела.

Таковы задачи отдела, а сущность установившейся и ныне твердо проводимой академической линии далеко не такова.

Отдел не выпускает необходимых специалистов, а ставит себе задачей дать флоту и Гидрографии моряков—ученых.

При практической же оценке этого положения, руководители скромно утешают себя, что ожидаемый ими благоприятный результат от оканчивающих отдел возможен лет через 10—15.

Совершенно очевидно, что такая академическая линия противоречит современным требованиям, пред'являемым к В.У.З., особенно к военным академиям.

В защиту высказанного положения, характеризующего собою академическую линию отдела, приводятся следующие соображения:

1) проводимая на Гидрографическом отделе академическая линия, с ее планом и программами, положила начало Морской Академии, как таковой;

2) будто-бы только благодаря такому, чисто академическому направлению создалась Морская Академия в современном ее состоянии и

3) что большинство высоко-авторитетных моряков, игравших первостепенное значение в развитии русского флота дал Гидрографический отдел.

При оценке минувших дней развития русского флота нельзя не признать многих из приведенных заслуг названного отдела, но нельзя и забывать, что все эти заслуги могли иметь место только в условиях соответствующей эпохи и вот почему.

В момент появления парового флота и дальнейшего его развития возник целый ряд новых (в отношении к парусному флоту) отраслей военно-морского дела, требовавших фундаментальной научной разработки и соответственно подготовленных специалистов.

Из числа унаследованных от парусного флота специальностей, наиболее научно обоснованным и разработанным было штурманское дело, многие вновь возникшие отрасли военно-морского дела постепенно приобретали характер научных дисциплин.

Совершенно понятно, что в этом процессе развития военно-морских наук штурманская отрасль делала в свое время большие вклады и толчки в лице ее представителей специалистов, научно подготовленных моряков.

Но совершенствование флотоводства за последние полвека, в условиях быстро растущей техники, шло чрезвычайно быстро, и, вместе с этим, все отрасли военно-морского дела, не только достигли гигантского развития, но и обратились в строго научные системы, выдвинув свои ученые авторитеты, трудами которых сделаны последние достижения и непрерывно ведется дальнейшая работа.

При таком блестящем состоянии отраслей военно-морского дела участие и заслуги Гидрографического отдела в деле текущего развития многих из них потеряли свое прежнее преобладающее значение, сводясь к равноценной взаимной связи и освещению деталей с точки зрения своих специальных проблем.

И так приходится констатировать, что Гидрографический Отдел утерял монополию исключительной учености и перед ним самим стоит громадная и крайне важная для флота задача: развитие штурманского дела в соответствии с современным состоянием флотоводства и его предстоящими перспективами и подготовка удовлетворяющих этому назначению специалистов.

Вот задача, о которой Отдел так же упорно забывает, сколько твердо помнит свои прежние заслуги.

Блестящим примером этому служит то обстоятельство, что вопреки здравому смыслу и, несмотря на сделанные представления, Гидрографический Отдел, признавая тактическую навигацию дисциплиной чисто штурманского порядка, отказывается включить ее ад'юнктуру в свой состав. Отказ же этот чреват следующими последствиями:

1) Ад'юнктура тактической навигации, оставаясь в составе Военно-Морского Отдела, где из нее преподается только вспомогательная часть — маневрирование, лишена возможности самостоятельно развиваться и участвовать в развитии штурманского дела на флоте. Являясь же на Гидрографическом Отделе в порядке минимума военно-морских наук, неспособна дать требуемых флотом специалистов.

Сам же Гидрографический Отдел, в своем настоящем составе кафедр, без тактической навигации совершенно несостоятелен в удовлетворительном выполнении поставленной перед ним задачи, подтверждая это основным положением своей академической линии.

В то же время жизнь и ближайшие перспективы флота определенно требуют разделения Отдела на гидрографическое и штурманское отделения, в целях наибольшего углубления и уточнения каждой из соответствующих специальностей.

Поскольку Гидрографии необходимы ответственные и надежные геодезисты-изыскатели, постольку флоту необходимы высококвалифицированные штурмана, получившие строго научное образование, вполне ответственные за свою работу в непосредственно боевой обстановке.

Отсюда очевидно, что выполнение этих требований никак нельзя с благоприятным результатом уложить в одну и ту же программу, в один и тот же учебный план, независимо от того, что обе специальности основаны на одних и тех же научных дисциплинах.

В противном случае не могут получиться сколько-нибудь удовлетворительными ни работник гидрографии, ни штурман, так как первый, в ущерб своему изыскательному направлению, будет награможден познаниями, в слабой степени пригодными для дальнейшей практической деятельности, а другой, с тем же ущербом крайне необходимому военному мышлению, будет награможден абсолютно непригодными для него геодезическими познаниями.

Ближайшим следствием такого положения вещей явится отсутствие ответственности в работе у таких специалистов, что совершенно не оправдывает ожиданий и издержек Республики, получающей вместо надежных высоко авторитетных специалистов только диллетантов, на которых фактически невозможно положиться.

На это нам возразят, что никакая школа не может выпускать вполне удовлетворяющих всем требованиям жизни людей.

Это возражение по существу справедливо, но основная и обязательная задача всех военных академий—выпускать вполне законченных в данной специальности работников, в полной мере ответственных за выполнение порученных, в соответствии с приобретенными знаниями, работ.

А эта последняя задача всегда разрешалась путем наибольшего уточнения специальностей.

Для предотвращения крайне опасного явления диллетанства мы считаем необходимым: 1) отказаться от проводимой ныне академической линии, 2) провести разделение Отдела на третьем курсе на гидрографическую и штурманскую специальности, поставив в основу обучения первых чисто гидрографические дисциплины, а в основу вторых—тактические, произведя соответствующий пересмотр и согласование программ, в целях наилучшей систематизации приобретенных слушателями познаний и для должного освещения вопросов предстоящей работы, 3) перенести ад'юнктуру тактической навигации на гидрографический Отдел.

При обсуждении этого вопроса небезынтересно отметить истинные мотивы немногочисленных противников.

Для одних это—идеалистический тупик непонимания современности, для других—попутный ветерок, с которым можно беспрепятственно пройти мимо флота, а для третьих это—загадочное упорство.

Група слушателей-гидрографов: *А. Д. Козлов, Б. А. Мантуров, В. А. Снежинский.*

Морская Академия и Гидроавиация.

Только год как родилась *Красная Морская Академия.* Срок слишком ничтожный, чтобы можно было подводить итоги широкого значения. Но отказаться от них нельзя,—нужно проследить хотя бы самые общие тенденции и стремления.

Вся жизнь Красного Флота должна отразиться в Морской Академии. Представлять себе Академию изолированным „храмом", „святилищем" нельзя. В научных дисциплинах, перерабатывающих и формирующих *опыт флота,* прежде всего нуждается *сам флот.* В стенах Академии, в ее лаборатории должно складываться единство революционной военно-морской мысли.

Всякий знающий историю Флота, согласится, что это не второстепенная идея, а основная цель: Цусима—синоним идейного разброда.

Вот отчего в годовщину Академии является чрезвычайно важным проследить, насколько глубоко и широко отражает она в себе жизнь флота, насколько крепка эта спайка, насколько отвечает Академия на наболевшие запросы отдельных частей флота.

Одним из наболевших острых вопросов наших дней является строительство Морского Воздушного Флота.

Он не нов, он все тот же старый и даже, пожалуй, застарелый струп, который мешает всестороннему созреванию военной мощи пролетарской России.

Целый ряд разнообразных вопросов,—организационных, учебных специально-технических ждут своего разрешения, а разрешить их, как показал опыт целого ряда лет, некому.

Морской Воздушный Флот не нашел еще своего места. То, что выдавалось до сего времени за его организацию,—было чистейшею импровизацией.

Нужен был, давно нужен идейный центр, где бы вопросы организации мощного оружия флота, каким является Гидроавиация, а также вопросы его применения были правильно разрешены.

Конечно, дело не в кафедре, не в выводе точных формул и схем, а в оживлении замирающей мысли, в координировании разнообразных мыслей и устремлений.

Нельзя питаться сырым материалом богатого опыта, который имеет Гидроавиация на Западе. Нужно создать свое, осознать, взвесить, найти свои пути.

Эта идея давно жила в сердце воздушников—моряков. На Черном море, в Балтике, на Всероссийских с‘ездах, на местных конференциях, в кружках и частных беседах — давно звучала эта тоска по единству. Но организационная оторванность от родного Флота была причиной того, что все реальные попытки оказались хилыми и беспочвенными.

Теперь, когда семимильными шагами пошло строительство Красного Флота, начала сама собой создаваться и живая база строительства Красного Морского Воздушного Флота.

Флот сам выдвигает запрос о Гидроавиации. Он не может строиться без использования тех достижений в области авиации, которые сыграли такую колоссальную роль в Мировую войну и столь широко используются нашими возможными противниками.

Красная Морская Академия в первый год своего существования поставила для разрешения проблему о гидроавиации. Пока, — только поставила, но в дальнейшем она должна будет как то ее разрешать. От этого уйти нельзя, нельзя и забыть о ее существовании, как благополучно забывали те органы, которым до Гидроавиации не было ровно никакого дела. И это сказано не в обиду, а по самому существу.

Армейское Командование нуждалось в авиационных средствах, а потому без дальних рассуждений „летающие лодки“ посылаются в тундры Северного фронта, в Карелию, в Москву наконец.

Дошло до того, что морских летчиков стали комплектовать из кавалеристов, поэтов, делопроизводителей и просто любознательных людей, подчас хороших и отважных спортсменов.

Флот вышел в плавание, на маневры и пред‘явил свои требования к Морской Авиации, а ее-то и не оказалось. Были аппараты и летчики, но морских летчиков не было.

Конечно, маневры устраивались не для того, чтобы дать пищу для злых пасквилей. „Спасателей положения“ из любителей и партизанщины в деле строительства Советской Республики не требуется. Неудача, недостаток, несомненно учтены и соответствующие коррективы в систему вносятся.

Однако в низах, именно в этот момент, с новой силой пробудилось встречное течение: „организоваться, научиться, дорости.....“.

Это течение пошло по тому же руслу, по которому потекли все ручейки военно-морской мысли Красного Флота, через Красную Морскую Академию.

При Морском Военно-Научном Обществе в декабре 1922 года возникла Секция Морского Воздушного Флота. Теперь еще рано говорить об итогах ее работы, но одно уж очевидно, что здесь работа пойдет плодотворно.

Учет колоссального опыта мировой и гражданской войн, систематическое изучение того, что делается в области Гидроавиации заграницей, должны лечь в основу работ Секции. Всякий острый вопрос, аргументировавшийся до сей поры исключительно „от сердца", найдет здесь свою твердую опору и здоровое оформление.

Нашим воздушникам многому еще нужно научиться и изучить, и снизойти с тех высот, на которые подчас они забираются. Но и „корабельщикам" следует расширить свой горизонт.

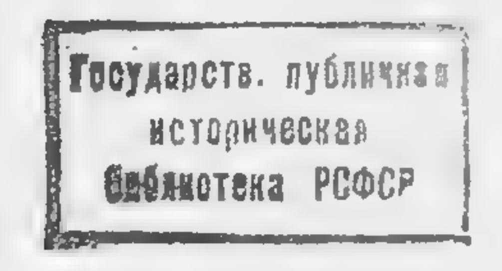
Это не пожелание,— это идея, которую ставит себе Морское Военно-Научное Общество, а вместе с ним, и Красная Морская Академия. Уйти от узкой спецовской точки зрения, очнуться от узкого фанатизма и координировать мысль и стремления в одну идею, идею Красного Флота, — вот реально поставленная задача.

Секция Морского Воздушного Флота еще слишком молода, чтобы иметь ощутительные достижения, но уж по одному тому, как горячо потекли в нее силы с мест, по тому интересу, который пробудился в массе практических работников, видно, что дальнейшие шаги ее будут удачны и плодотворны.

С новыми силами,—вперед!

Александр Зиновьев.

28/II—23 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

